

Б. З. Нанзатов**ТУНГУССКИЙ И САМОДИЙСКИЙ ПЛАСТЫ
В ЭТНОГЕНЕЗЕ МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ¹**

В длительном процессе формирования монгольских этносов, а именно — их северо-западных представителей в лице ойратов и западных бурят, принимали участие монгольские и тюркские племена, населявшие Байкальско-Енисейский регион, где и происходил процесс этногенеза ранней ойратско-бурятской общности в период, предшествующий Монгольской империи. В то же время этот регион населяли племена охотников, собирателей и оленеводов, на севере и северо-востоке большинство из которых были тунгусоязычными, а в юго-западном ареале, очевидно, расселялись самодийцы-олeneводы, большей частью тюркизированные, енисейцы-охотники и в промежуточной зоне — метисированные группы тунгусов и самодийцев. В таком случае становится правомерным вопрос о роли тунгусских и самодийских племен в этногенезе монгольских народов: бурят, ойратов и монгольских народов Прихубсугуля.

Самодийский пласт. О южных или саянских самодийцах накоплено достаточно материалов, чтобы говорить о принадлежности к ним таких этнических групп, как камасинцы, карагасы, койбалы, маторы, тайгинцы (тайгийцы), кашинцы и саянские горцы [Малолетко 1999: 221]. Находясь в непосредственной близости к тюрко-монгольскому миру, часть из них была вовлечена в этногенетические процессы соседних этнических групп.

Мадор. Маторы (маты, матор-аймак, маду) в XVIII–XIX вв. расселялись вперемежку с койбалами. На западе ареал расселения ограничивался р. Абакан, на востоке — р. Гутара. [Там же: 228]. В Прихубсугулье в составе хотогойтов известна группа на-

¹ Работа выполнена при поддержке проекта РГНФ 11-21-03004а/Мон.

селения *мадор* [Чулуун 2006: 48], очевидно имеющая непосредственное отношение к саянским маторам. Скорее всего, мадоры вошли в состав хотогойтов во времена государства Алтан-ханов, когда большинство населения южного енисейского региона являлось данниками Алтан-ханов, где ведущую роль играли хотогойты. В составе мингатов, расселенных вблизи Кобдо, есть подразделение модон (модонгууд), по преданию происходящее от пришедшего урянхайца [Нансалмаа 2010: 28]. Вполне вероятно связь с этнонимом матор через ассимиляцию сначала в тюркской, а затем в монгольской языковой среде.

Хаасуд. Кашиинцы в XVII в. отмечались на правом берегу Енисея, по Сыде и Кома. Этноним происходит от самодийского *кас/каш* — «человек» [Малолетко 1999: 229–230]. В составе монгольских народов отмечается как *хаасуд*, в частности среди дархатов в Прихубсугулье [Нямбуу 1992: 133].

Зөөд, зуутраг. Наиболее близкими к монгольским народам, отореченными самодийцами в Байкальско-Енисейском регионе, очевидно, являются олениводы Восточных Саян. Оказавшиеся разделенными естественными географическими преградами, вовлеченные в социально-экономические связи с более многочисленными скотоводческими этническими группами региона, в настоящее время они представляют четыре самостоятельных этноса: тофалары, сойоты, тоджинцы и цаатаны.

О самодийском прошлом тофаларов (карагасов) говорят исследования XVIII в., проведенные П. С. Палласом и И. Г. Георги, утверждавшими, что это самодийское племя с чистым самодийским языком [Паллас 1788: 524–526; Георги 1799: 19–20]. Хотя дальнейшие исследования зафиксировали лишь тюркоязычие тофаларов (карагасов). Факты, указанные Палласом и Георги, в любом случае отражают картину былой принадлежности определенной части тофаларов к самодийской общности. Об участии самодийцев в этническом составе тоджинцев писал С. И. Вайнштейн [1976: 171]. Общий обзор был сделан И. В. Рассадным [2005: 17–26].

Носители этнонимов чогду, джогду, жогд соответственно присутствуют в составе тоджинцев, тофаларов и цаатанов. Носители

этнонимов иркит онкот присутствуют в составе всех четырех групп.

Фонетическими вариантами одного этнонима являются *зөөт* среди ойратов и народов Прихубсугуля, в частности в составе дэрбэтов [Аюуш 2012: 36], в составе дархатов — *цагаан зоод* и *хар зоод* [Нямбуу 1992: 133], в составе хубсугульских урянхайцев сохранились две формы этнонима — *зоод* и *жегд* [Там же: 137], как и у алтайских урянхайцев [Бадамхатан, Лхагвасурэн 2012: 369]. Следует обратить внимание на то, что в фонетическом оформлении *зоот/зэт* встречается и среди монгольских народов России: *зоот* — среди западных халха, *зэт* — среди бурят, *зэд* — среди калмыков. По нашему мнению, к этой же группе следует отнести и этноним *додут/тоду*, наряду с *зоод* представленный в составе цаатанов [Нямбуу 1992: 139], где в первом варианте *-уд* — монгольское окончание множественного числа. Вероятно, *тоду*, скорее всего, производное от *джогду/чооду*, но в отличие от *зоот* был адаптирован к монгольскому языку на более позднем историческом этапе, так как внутренние подразделения до наших дней сохранили тюркские цветовые обозначения: *аг* < *ак* — белый, *кара* — черный.

Неоднозначным остается вопрос о происхождении этнонима и народа, которому он принадлежит. Очевидно, что это слово, широко распространенное в Саяно-Алтае, принадлежало одному из его древнейших насельников, а были это самоеды или енисейцы — в данное время трудно определить, так как на длительном этапе истории носители этнонима могли неоднократно менять свою языковую принадлежность, вовлекаясь в орбиту влияния близкородственных по хозяйственно-культурному типу народов, а также кочевых соседей.

К этому же этнониму относится и еще один этноним, носители которого вошли в состав ойратов намного раньше, — это *зуутраг* в составе дэрбэтов [Аюуш 2012: 36]. Исходная форма этнонима *зуут ураг* аналогична бурятским *манжи ураг* > *манжираг*, *мэрхэсэ ураг* > *мэрхэсэраг* и т.п. Очевидно, что носители этого этнонима омонголились намного раньше носителей этнонима *зөөд*, на что указывает смена рядности.

Ирхид, онход. В составе ойратов, бурят, прихубсугульских народов также распространены этнонимы *ирхид* и *онход*, носители которых также происходят от саянских отюреченных самодийцев. В составе бурят, так же как в случае *зуутраг/зоод*, имеются две одновременные формы: *ирхид* и *онход* в составе тункинских и окинских бурят и сойотов, с одной стороны, и *ирхидэй* и *отонхой* в составе идинских бурят — булагатов. Что касается этнонимов *ирхид* и *онход*, то, очевидно, его носители омонголились и вошли в состав ойратов и западных бурят сравнительно недавно (позднее Средневековье). Носители этнонимов *ирхидэй* и *онхотой* вошли либо в раннемонгольский период, либо в период предшествующий, так как в составе этнонимов имеется четкий маркер в виде этногендерного монгольского аффикса, характерного именно для раннего Средневековья [Нанзатов 2005: 43–44].

Тунгусский пласт. По мнению Д. Д. Нимаева, роль тунгусов в этногенетических процессах бурят была значительной [Нимаев 1989: 98–103]. Одним из доводов в пользу этого была гипотеза о происхождении одного из бурятских теонимов *Асуйхан* от эвенкийского слова *асикакан* — «красавица», выдвинутая Ц. Б. Цыдендамбаевым. Теоним *Асуйхан* распространен в западнобурятском мифе о происхождении братьев Булагата и Ихирита, ставших прародителями крупнейших бурятских племенных союзов. Происхождение *асуйхан* от *асикакан* Ц. Б. Цыдендамбаев объясняет процессом гаплоглоии, то есть редукции повторного слога: *асикакан* → *асыкаан* → *асуйхан* [Цыдендамбаев 1972: 525]. В данном случае, по нашему мнению, возможен более простой вариант: вполне вероятно, что имя шаманки *Асуйхан* происходит от эвенкийского *асй* — «женщина» и *кан* — уменьшительный аффикс [Болдырев 2000, т. 1: 46; т. 2: 472]. В таком случае значением имени шаманки, воспитавшей братьев-близнецов, — «женщина», что, очевидно, указывает на период завоевания Прибайкалья тюрко-монгольскими племенами. По-видимому, военный арьергард нуждался в женщинах, которых они захватывали у местных тунгусских племен.

Интересным является и вопрос о происхождении имени сестры шаманки *Асуйхан* — *Хусыхэн*. До сих пор этимологический

анализ этого имени не предпринимался. По нашему мнению, вполне вероятным является происхождение имени *Хусыхэн* от эвенкийского *кусагин* — «староста; хозяин, хозяйка» [Болдырев 2000, т. 1: 310]. По нашему мнению, происхождение имени *Хусыхэн* от *кусагин*, очевидно, указывает на вторичность заселения тюрко-монгольскими племенами Прибайкалья по отношению к тунгусским племенам.

Таким образом, имена мифологических сестер *Асуйхан* и *Хусыхэн*, принявших участие в воспитании братьев Эхирита и Булагата, указывают на тунгусское происхождение этих образов. В свою очередь тунгусское происхождение этих образов свидетельствует: а) о первичности расселения в Прибайкалье тунгусских племен по отношению к тюркским и монгольским племенам; б) миксации завоевателей и тунгусских женщин на раннем этапе проникновения тюрко-монгольских племен.

Помимо существования двух мифологических образов *Асуйхан* и *Хусыхэн*, на участие тунгусов в этногенезе бурят указывает ряд бурятских племенных этнонимов тунгусского происхождения.

Готол. Этноним *готол* представляет собой проблему этимологического плана. «Его необычная для монгольских этнонимов внешняя форма предполагает, скорее, тюркское или тунгусское прошлое носителей данного имени», — пишет Д. Д. Нимаев [2000: 146]. Следует упомянуть, что *готол* — одно из наиболее многочисленных племен приангарских бурят.

Этноним *готол* можно попытаться расшифровать с помощью эвенкийского языка. Слово *гѳта* имеет следующие значения: «1) ограда, изгородь; 2) перегородка; 3) огород; 4) ночная загородка вокруг очага; 5) рефракционный круг вокруг солнца» [Василевич 1958: 93]. Вторая часть — *лā, лē, лѳ* — суффикс при имени в конце слова [Там же: 765]. Примечательно, что слово «гѳта» распространено в диалектах западных эвенков, с которыми и контактировали западные буряты. О существовании у западных эвенков подобного имени свидетельствуют русские документы XVII в. В них упоминается, что во главе ичериль в 1630 г. стоял Готал Мултин, сын Мулты, предводителя топорков. Кочевья этих

тунгусов находились в районе р. Тасеевой, впадающей в Ангару [Ермолова 1999: 106, 110].

Семантика антропонима *Готал~Готол* сводится либо к *солнцу* — «рефракционный круг вокруг солнца», то есть «Солнце». По-видимому, здесь могут проявляться отголоски солярного культа.

Возможна также, по нашему мнению, другая трактовка, где в основе лежит смысловая нагрузка «ограда, изгородь», что, по сути, является тунгусским вариантом тюркского *куруккан~корыган* и монгольского *коруган~корийан* — «военный лагерь», в основе которых лежит глагол *куру~коры~хори* со значением «ограждать».

Переход *-а* во втором слоге в *-о* возможен на примере: стп.м.я. *одан* — звезда, халх. *одон*, бур. *одон* [Рассадин 1982: 30]. Таким образом, развитие термина происходит следующим образом: *гōталā ~ готал ~ готол*.

В любом случае термин *готол* имеет тунгусское происхождение. Судя по всему, его носители вошли в состав булагатов на ранней стадии формирования. Очевидно, что готолы представляют древний тунгусский пласт, вошедший в состав булагатов.

Интересными в плане тунгусского происхождения являются этнонимы трех близкородственных племен, по генеалогическим легендам произошедших от трех родных братьев: *муруй*, *олзой*, *хулмэнгэ*.

Муруй. Семантика этнонима *муруй//муру*, по-видимому, восходит к эвенкийскому слову *муру-ми* — «повернуться вполоборота (о человеке)» [Василевич 1958: 265]. Этимология этнонима скрывает в себе смысл «повернувшихся, отвернувшихся [тунгусов]», то есть тунгусов, отошедших от традиционного образа жизни к чуждому, то есть вошедших в состав трех станов (уч-куруккан) либо добровольно, либо по принуждению.

Хулмэнгэ. В русских документах этноним *хулмэнгэ* упоминался как *культетский*, по-бурятски — *хулмэнгэ*. Установить происхождение этого этнонима на тюркском и монгольском материале не представляется возможным. Наиболее вероятным в таком случае может быть тунгусский вариант. В современном эвенкийском языке существительное *хул* имеет следующие значения: «стрела на кабаргу; черная ольха, тополь», а глагол *хул-ми* —

«очинить, заострить» [Там же: 492]. Таким образом, первая часть этнонима *хул* может происходить от слова со смысловой нагрузкой «заострить; стрела», вторая часть — *мээнгэ*, по-видимому, происходит от *-мнгу*⁻, архаичного варианта суффикса *-мни*⁻, образующего имя деятеля [Там же: 774]. В конечном счете семантика *хулмнгу*⁻ → *хулмээнгэ* — «заостряющий, заостритель; изготовитель стрел» объясняется с помощью эвенкийского языка.

Таким образом, можно предполагать, что носители этнонима *хулмээнгэ* также имеют отношение к покоренному населению из среды тунгусов, хозяйственная направленность которых, по крайней мере в начальный период, заключалась в изготовлении стрел для воинов эпохи Уч-курыкан.

Бахай. Эхиритский этноним *бахал/бахай* на первый взгляд легко этимологизируется из тюркского *бага* — «лягушка» [Древнетюркский... 1969: 82], широко распространенного и в монгольских языках наряду с монгольским *мэлхэй*. Если считать этноним тотемичным по своему происхождению, то подобного тотема у тюрко-монгольских не наблюдается, следовательно, не мог возникнуть и этноним. Лучше в этом случае обратиться к тунгусскому языковому материалу, где глагол *бака-ми* переводится как «найти, отыскать, обнаружить» [Василевич 1958: 48]. В этом случае этноним имеет значение «найденный, обнаруженный», что несколько сближает его с такими этнонимами, как *олзой*, *олзон*. То есть «найденный, обнаруженный» может содержать смысл «захваченный». Таким образом, этноним *баха* со значением «найденный» из слова тунгусского происхождения указывает именно на тунгусские корни его носителей. Ведь если такие этнонимы, как *олзой/олзон*, могли быть названными главенствующим тюрко-монгольским по языку населением, то в этом этнониме сохранились языковые черты его первоначальных носителей. То есть этноним *баха* указывает на тунгусские этнические корни его носителей.

Хамнагадай. Этноним *хамнагадай* однозначно указывает на тунгусское происхождение его носителей в западнобурятской среде. Исходным для этнонима *хамнагадай* является *хамнаган* — эхирит-булагатское произношение монгольского термина *хамниган*, означающего тунгусов, в современности эвенков [Цыден-

дамбаев 1972: 185], то есть является монгольским эндоэтнонимом тунгусов. В генеалогической традиции, сложившейся у эхиритов, хамнагадай находится на одной из высших ступеней, что указывает на ранний этап вхождения хамнагадаев в эхиритский племенной союз.

Подводя итоги, необходимо сказать, что образы сестер-шаманок *Асуйхан* и *Хусыхэн* глубоко проникли в общебурятские мифы. Носители представленных этнонимов вошли в состав двух средневековых племенных объединений — булга и икирес, с XVII в. известных как булагаты и эхириты. Таким образом, легендарные имена сестер-шаманок, этнонимы *готол*, *муруй*, *олзой*, *хулмэнгэ*, *бахай*, *хамнагадай*, принадлежащие бурятским племенам, возникли в Средневековье в Прибайкалье.

Таким образом, представленные выше материалы позволяют указать на важность тунгусского этнического субстрата на раннем этапе проникновения тюрков и монголов в Прибайкалье. К тому же ряд этнонимов свидетельствует об участии тунгусского населения в средневековых этнических процессах, приведших к возникновению бурятских племенных объединений булагатов и эхиритов. Все эти факторы указывают на безусловное участие средневекового тунгусского субстрата в этногенезе бурят.

Заключение. Этнонимикон монгольских народов, в частности ойратов, бурят и народов Прихубсугулья, отчетливо отражает разнородные этнические компоненты, вошедшие в их этнический состав. Представленный материал ясно прорисовывает миграционные направления и связи самодийских и тунгусских контактных групп населения с ближайшими регионами западной и северо-западной Монголии и Прибайкалья. Тунгусский пласт отчетливо прослеживается в этногенезе бурят и практически не заметен в составе ойратов, что, очевидно, говорит о недолгом пребывании ойратской общности в регионе Прибайкалья. Однако самодийский пласт у бурят, встречающийся лишь в крайнем западном ареале, широко распространен у народов Прихубсугулья и ойратов, что указывает на более длительные контакты указанных групп с самодийцами и, видимо, отражает енисейский этап этногенеза ойратов.

Библиография

- Аюуш Ц.* Дорвод // Монгол улсын угсаатны зүй. Улаанбаатар, 2012. Т. 2.
- Бадамхатан С., Лхагвасүрэн И.* Алтайн урианхай // Монгол улсын угсаатны зүй. Улаанбаатар, 2012. Т. 2.
- Болдырев Б. В.* Эвенкийско-русский словарь. Новосибирск, 2000. Т. 1, 2.
- Вайнштейн С. И.* Проблемы истории хозяйства и культуры южно-самодийских народов Саян // Язык и топонимия. Томск, 1976.
- Василевич Г. М.* Эвенкийско-русский словарь. М., 1958.
- Георги И.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежды и прочих достопамятностей. СПб., 1799. Ч. 3.
- Древнетюркский словарь.* Л., 1969.
- Ермолова Н. В.* Эвенки Центральной Сибири: социальная организация и этническая структура // Народы Сибири в составе государства Российского. СПб., 1999.
- Малолетко А. М.* Древние народы Сибири. Томск, 1999.
- Нанзатов Б. З.* Этногенез западных бурят (VI–XIX вв.). Иркутск, 2005.
- Нансалмаа Д.* Ховдын мянгад ястан // Угсаатны судлал. Улаанбаатар, 2010. Т. XVIII–XIX.
- Нимаев Д. Д.* О роли тунгусского компонента в этногенезе бурят // Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в Средние века. Новосибирск, 1989.
- Нимаев Д. Д.* Буряты: этногенез и этническая история. Улан-Удэ, 2000.
- Нямбуу Х.* Монголын угсаатаны зүй. Улаанбаатар, 1992.
- Паллас П. С.* Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб., 1788. Т. 3.
- Рассадин В. И.* Очерки по исторической фонетике бурятского языка. М., 1982.
- Рассадин И. В.* Хозяйство, быт и культура тофаларов. Улан-Удэ, 2005.
- Цыдендамбаев Ц. Б.* Бурятские исторические хроники и родословные. Улан-Удэ, 1972.
- Черемисов К. М.* Бурятско-русский словарь. М., 1973.
- Чулуун С.* Хотогойдын туух Улаанбаатар, 2006. Т. 1.

Abstract

The article presents research of ethnic contacts of the Mongolian peoples with Tungusic and Samoyedic peoples. The presented material clearly draws the migration direction and communication of Samoyedic and Tungusic groups' contacts with the regions of western and north-western Mongolia and the Baikal region, where Oirat and Buryat ethnic groups were formed.